

1711—1911

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ЛОМОНОСОВА.

РѢЧЬ

В. В. Сиповскаго

произнесенная

въ Торжественномъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ

8 ноября 1911 года

въ память 200-лѣтія со дня рожденія

М. В. ЛОМОНОСОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, 12.

1911.

1711—1911

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ЛОМОНОСОВА.

РѢЧЬ

В. В. Сиповскаго

произнесенная

въ Торжественномъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ

8 ноябрю 1911 года

въ память 200-лѣтія со дня рожденія

М. В. ЛОМОНОСОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, 12.

1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1911 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

М. В. ЛОМОНОСОВА.

Профессора В. В. Сиповскаго.

Въ исторіи русской литературы Ломоносовъ занимаетъ почетное мѣсто. Восемнадцатый вѣкъ создалъ ему такую прочную славу, что ея поколебать не могла критическая мысль XIX столѣтія, безпощадная къ старымъ богамъ. Прошло уже болѣе полутора ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началась его литературная дѣятельность, а свѣтлый образъ его по прежнему незыблемо висится въ благодарной памяти потомковъ...

Чѣмъ дальше отходятъ событія въ сумракъ прошлаго, тѣмъ безпристрастнѣе и разностороннѣе дѣлается судъ исторіи, — тѣмъ настоятельнѣе сознается необходимость этого суда.

Вотъ почему на этомъ праздникѣ, посвященномъ памяти Ломоносова, оцѣниваются различныя стороны его разнообразной дѣятельности.

Вотъ почему и литературное творчество его должно быть выяснено сегодня съ возможной полнотой.

Не страшень Ломоносову судъ исторіи!.. Отпадутъ нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія о немъ, расширятся сужденія узкія, сузятся широкія... Въ результатѣ, яснѣе сдѣлается

великій писатель: проявятся въ его образѣ новыя черты, въ жизни и литературной дѣятельности его откроются новыя стороны...

Переоцѣнка этой великой русской цѣнности приведетъ къ ея возвеличенію...

*

Общій голосъ установилъ, что съ Ломоносова начинается новая русская литература, что онъ — «отецъ русской поэзіи»... Исслѣдователь къ этому рѣшительному сужденію обязанъ сдѣлать оговорку: такое утвержденіе понимать надо условно, — вѣдь новая русская литература начинается еще съ XVII столѣтія... Да и въ началѣ XVIII у Ломоносова были предшественники въ лицѣ Прокоповича, Кантемира и другихъ.

Ломоносовъ ввелъ въ нашу литературу классицизмъ — говоритъ готовое мнѣніе... Но историкъ напомнимъ, что многія характерныя черты литературнаго классицизма опредѣлились у насъ раньше, — еще въ творчествѣ юго-западно-русскихъ писателей, — что въ XVII столѣтіи успѣшно культивировался этотъ классицизмъ въ твореніяхъ Симеона Полоцкаго и его учениковъ...

Принятое мнѣніе заявляетъ, что Ломоносовъ создалъ русскую хвалебную оду, — новый у насъ литературный видъ лирическаго творчества... Въ отвѣтъ на это утвержденіе можно указать на панегирики XVII столѣтія, отмѣченные чертами, характерными для Ломоносовскихъ одъ...

Онъ ввелъ въ русскую поэзію тоническій стихъ — утверждаетъ сложившееся мнѣніе... Добросовѣстный из-

слѣдователь спѣшитъ указать, что тоническій стихъ намѣчается у насъ еще въ XVII вѣкѣ, въ твореніяхъ Симеона Полоцкаго. Онъ напомнитъ, что при Петрѣ были неоднократные и, при томъ, удачные опыты въ этомъ направленіи, — что теорію новаго стиха высказалъ первый Тредіаковскій...

Ломоносовъ создалъ русскій литературный языкъ... И сейчасъ же историкъ расскажетъ о тѣхъ вѣковыхъ усиліяхъ, которыя проявилъ русскій народъ, когда въ XVII столѣтіи и при Петрѣ неустанно ковалъ свой новый языкъ изъ причудливаго сплава разныхъ чужихъ нарѣчій.

Какимъ же образомъ сложились эти «готовыя мнѣнія», съ которыми борется историкъ?

Великій человѣкъ, вносящій въ жизнь новыя начала, всегда имѣетъ предшественниковъ. Они облегчаютъ реформатору его созидающую работу... Они пролагаютъ дороги, указываютъ ему средства, подсказываютъ приемы и часто своимъ опытомъ удерживаютъ отъ ошибокъ.

Но не имъ воздвигаются триумфальныя арки: слава всякаго новаго дѣла связывается, обыкновенно, съ именемъ того счастливица, который успѣшно довершаетъ начатое до него.

Оттого современники присудили Ломоносову пальму первенства за его «начинанія» въ разныхъ областяхъ русской литературной жизни... Но историкъ доказалъ, что этотъ приговоръ справедливъ относительно, — что готовыя мнѣнія, сложившіяся на основаніи этого приговора, нуждаются въ исправленіяхъ и дополненіяхъ...

И на другихъ основаніяхъ, болѣе прочныхъ и

устойчивыхъ, укрѣпить историкъ славу великаго Ломоносова!..

Опредѣливъ предшественниковъ поэта, онъ установитъ связи, неразрывно соединяющія Ломоносова съ прошлымъ; этимъ самымъ онъ докажетъ, что въ исторіи русской поэзіи онъ — явленіе не случайное, а закономѣрное, характерное для русской жизни всего XVIII столѣтія... Это заключеніе приведетъ его къ выводу, что Ломоносовъ, подобно Петру Великому, есть яркое воплощеніе царственной воли русскаго народа и потому историческое и національное значеніе его велико и безспорно!

*

Цѣнность историческихъ явленій опредѣляется не только ихъ связью съ прошлымъ, но и значеніемъ ихъ для будущаго. И потому, новый вопросъ возникаетъ передъ историкомъ: «какое вліяніе на послѣдующихъ русскихъ писателей имѣлъ Ломоносовъ?»

Стоитъ вслушаться въ многоголосный хоръ русскихъ критиковъ XVIII, особенно XIX столѣтія, чтобы понять, какъ велико было его вліяніе! Стоитъ перечитать лирическія произведенія XVIII столѣтія, — и окажется, что своими одами онъ подчинилъ себѣ творчество Хераскова, Державина, Дмитріева, Богдановича, Капниста и многихъ другихъ, крупныхъ и мелкихъ одописцевъ XVIII вѣка, начала XIX-го... Всѣ они находились подъ впечатлѣніемъ его торжественныхъ пѣснопѣній. Они взяли излюбленную имъ литературную форму — «торжественную оду», они усвоили его манеру письма, заимствовали найденные имъ образы... А вѣдь къ концу XVIII столѣтія рус-

ская жизнь измѣнилась кореннымъ образомъ: выросли новые интересы, сложились новыя міросозерцанія, явились новые люди... Тѣмъ значительнѣе дѣлается тайна Ломоносовскихъ вліяній на русскую поэзію.

Тѣмъ съ бѣльшимъ вниманіемъ возьмется теперь историкъ за разгадку этой тайны. Отбросивъ «готовыя мнѣнія», въ твореніяхъ поэта онъ прояснитъ черты творца и постарается открыть то, что чаровало вдохновеніе стихотворцевъ, что выражало настроеніе читателей XVIII вѣка!..

*

Первая оригинальная ода Ломоносова: «На взятіе Хотина», — произведеніе живое и вдохновенное. Въ ней юноша-поэтъ сумѣлъ выразить свое восторженное преклоненіе передъ геніемъ Петра и гордую любовь къ родинѣ...

Чувства его были искренни, и грандіозные образы, найденные имъ для воплощенія этихъ чувствъ, вполне отвѣчали возвышеннымъ переживаніямъ тогдашняго русскаго общества...

Историческій моментъ былъ интересный...

Благодаря могучимъ усиліямъ Петра, Россія внезапно возстала изъ небытія — и вся Европа съ изумленіемъ и страхомъ оглянулась на невѣдомаго ей сѣвернаго великана...

Полтавскій бой былъ самымъ величественнымъ моментомъ всей русской исторіи XVIII вѣка. Здѣсь, на ратномъ полѣ, геній Россіи впервые помѣрился силами съ геніемъ Запада, и — побѣдилъ его... Трудно представить, какъ страшно измѣнилась самооцѣнка русскаго человѣка послѣ этой побѣды!.. Недавно еще ученикъ, на себя смотрѣвшій чуть ли не съ презрѣніемъ, теперь безмѣрно вы-

росъ онъ въ собственныхъ глазахъ! Въ этой переоцѣнкѣ своего національнаго достоинства — источникъ героическихъ настроеній всего XVIII вѣка.

Впечатлѣніе отъ дѣяній Петра и память о славной «Полтавской баталіи» опредѣлили паѳосъ этихъ настроеній *). Оттого блескъ феерическаго величія лежитъ на всемъ этомъ столѣтіи, — бурномъ и яркомъ, когда неудержимо выросталъ русскій патріотизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ росла народная гордость и углублялась любовь къ родинѣ.

Ломоносовъ первый изъ русскихъ поэтовъ воспѣлъ свою торжествующую родину... Онъ былъ первымъ русскимъ художникомъ, воплотившимъ въ поэтическомъ словѣ паѳосъ вѣка. И впервые въ его юношеской одѣ: «На взятіе Хотина» ярко и пышно расцвѣтился этотъ паѳосъ...

Слабы и блѣдны двѣ слѣдующія оды Ломоносова (1741 г.), сочиненныя въ Петербургѣ. Яркіе образы первой оды затуманились въ нихъ и поблекли подъ гнетомъ вычурныхъ и надуманныхъ украшеній... Угасли живыя, искреннія чувства, померкло вдохновеніе...

Какъ связать рѣзко-опредѣленную индивидуальность

*) Это замѣчено было еще давно. Князь Вяземскій въ своемъ сочиненіи: „Фонвизинъ“ говоритъ слѣдующее: „Грозы Полтавской битвы провозгласили наше, уже безспорное водвореніе въ семейство Европейское. Сіи громаы, сіи торжественныя побѣдныя молебствія отозвались на поэзіи нашей и дали ей направленіе. Слѣдующія эпохи, болѣе или менѣе означенныя завоеваніями, войнами блестящими, питали въ ней сей духъ воинственный, сію торжественность, которая, можетъ быть, впослѣдствіи времени была ужъ больше привычка и подражаніе и потому не удовлетворительна, но на первую пору была она точно истинная, живая и выражала совершенно главный характеръ нашего политическаго быта“. Лира Ломоносова была отголоскомъ Полтавскихъ пушекъ. Напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось послѣ него и, безъ сомнѣнія, отъ негъ общимъ характеромъ нашей поэзіи“.

молодого Ломоносова съ этими холодными, безликими произведениями?

Біографія поэта объяснитъ намъ это: въ одахъ 1741 года онъ выступилъ въ роли поэта «по обязанности»... Онъ долженъ былъ сочинять — и при томъ только такъ, какъ сочиняли академическіе поэты — Юнкеръ, Штелинь и Тредіаковскій *).

Въ ихъ произведеніяхъ былъ заданъ ему тонъ, подсказаны были готовые образы, предписаны приемы творчества...

Впрочемъ, не только требованія жизни обязывали Ломоносова сдерживать свое вдохновеніе, скрывать чувства, рабски слѣдовать готовымъ образцамъ, — на этотъ путь властно толкало его и тогдашнее раціоналистическое пониманіе поэзіи... Французскіе теоретики требовали отъ поэта прежде всего знанія правилъ, «науки стихотворства»... Они навязывали поэзіи утилитарное пониманіе цѣлей, вносили дидактизмъ въ творчество, холодному разсчету подчиняли свободное вдохновеніе...

*

Когда на Россійскій престолъ вступила Елисавета Петровна, по словамъ Ломоносова, совершилось великое чудо... Богъ взглянулъ на Россію «кроткимъ окомъ» —!

*) Для него, какъ человѣка прямого и откровеннаго, трудна была эта роль придворнаго поэта. Онъ самъ рассказывалъ, какъ разсердился однажды на Тредіаковскаго, который свое произведеніе выпустилъ въ свѣтъ подъ его именемъ: „Мнѣ и на мысль не приходили оды съ тѣхъ поръ, какъ Тредіаковскій, изъ рабскаго подобострастія къ Бирону, сперва ему прохрипѣлъ какую-то оду, а потомъ, по его же повелѣнію, накропалъ другую: „на восшествіе на престолъ малолѣтняго Іоанна“, и, чтобы этимъ приемамъ дать ходъ, означилъ подъ ними мое имя. Эта нелѣпая клевета такъ меня поразила, что я отрекся навсегда отъ одъ“.

«И, видя въ мракѣ ту глубокомъ,
 Со властью рекъ: «да будетъ свѣтъ!»—
 И бысть!..

Тьма претворилась въ свѣтъ, скорбь смѣнилась радостью, буря—тишиной, зима—весной:

«И намъ является прекрасная весна!
 Отъ ней неистовы бореи убѣгають,
 Отъ ней пріятные зephyры вылетаютъ!».

Для Ломоносова она — «вѣнчанное солнце», которое дарить землю свѣтомъ и тепломъ; она—роса, оживляющая природу; она—свѣтозарная Діана, поражающая стрѣлами титановъ!.. Утомленной Россіи принесла она въ даръ ту благодатную тишину, подъ кровомъ которой расцвѣтають науки, искусства,—развивается и углубляется духовная сила народа...

Кончилась власть большихъ и малыхъ бироновъ... Восторжествовали русскія національныя начала... Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Ломоносову, особенно когда въ 1745 году онъ сдѣланъ былъ академикомъ... Для него это было великимъ торжествомъ молодой русской науки, нравственной побѣдой Россіи...

Тогда, воодушевленный чувствомъ безмѣрной признательности, «ликуя и веселясь», сталъ онъ воспѣвать Императрицу Елисавету... Съ ея образомъ соединилось для него все, что было ему дорого—Петръ, Россія и наука.

Россія, полная гордаго покоя, въ видѣ величественной женщины возлежить, отъ одного края міра до другого, опираясь локтемъ на снѣжныя вершины Кавказа, — вотъ, державный образъ, который настойчиво преслѣдуетъ теперь воображеніе поэта.

Петръ — божественный геній-хранитель ея.

«Онъ—Богъ; онъ—Богъ твой былъ, Россія!»—восклицаетъ поэтъ, — «былъ», «есть» и «будетъ» — повторяетъ онъ неразъ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ...

Онъ вѣритъ въ святую истину своихъ словъ потому, что теперь «стихъ его сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ», — потому, что теперь поетъ онъ не въ угоду людямъ, не страха ради, не ради награжденія, а ради одной правды:

«Ни злости не страшусь, не требую добра,
Не ради васъ пою—для правды, для Петра!»

— съ гордостью, во всеуслышаніе, заявляетъ онъ.

Теперь въ его одахъ реторика, мало по малу, исчезаетъ, уступая мѣсто сердечному краснорѣчію; тускнѣетъ классицизмъ; рѣже появляются античные боги... На смѣну старымъ приемамъ и шаблоннымъ образамъ являются новые, свѣжіе и яркіе...

Съ особой любовью воспѣваетъ онъ теперь природу, ея многообразныя красоты, ея божественное могущество и творческія силы.

Воображеніе рисуетъ ему величественную картину: благосклонная и доброжелательная, возсѣдаетъ державная Натура на блещущемъ престолѣ, окруженная силами и явленіями міровой жизни... Она —

«Между стихій смиряетъ споръ,
Сосцами всяку плоть питаетъ,
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ расширяя,
Изъ устъ зефирами дыхая...»

Смѣлой и широкой кистью рисуетъ теперь Ломоносовъ величественно-унылыя картины далекаго сѣвера, зимы, бурнаго моря, покрытаго льдами... Изъ русскихъ поэтовъ онъ первый сумѣлъ найти эти картины, первый оцѣнилъ ихъ своеобразную красоту.

Его воображеніе любитъ представлять титановъ, раздирающихъ облака. Онъ вдохновляется картинами созданія міра, претворенія мрака въ свѣтъ, великими явленіями, когда сотрясаются горы, и рѣки текутъ вспять...

У Ломоносова была душа, которая вдохновлялась всѣмъ «грандіознымъ» и «сверхчеловѣческимъ»...

Это характерная особенность ломоносовской Музы. Но не чуждалась эта Муза и мирныхъ настроеній...

Тихій, сіяющій день, когда

«Межъ бисерными облаками
Сіяетъ злато и лазурь»...

Золотая утренняя заря, которая

«Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяный
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря!»

Ночное небо, распростертое надъ землей, «шатру подобно», тихо сверкающее звѣздами,—все это картины природы, величаво-спокойной и божественно-прекрасной...

*Душевнымъ миромъ проникнуты эти картины, о безмятежной созерцательности умиротвореннаго поэта благовѣствуютъ онѣ...

Много красивыхъ образовъ нашелъ Ломоносовъ и въ другихъ явленіяхъ жизни. Для примѣра, можно привести изображеніе коня Императрицы Елисаветы:

«Крутитъ главою, звучитъ браздами
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордись!»

Титаническій образъ «Борея съ мерзлыми крылами», «Ликующій Петрополь» и «колѣнопреклоненная Москва» съ сѣдыми волосами — это образы, введенные въ нашу поэзію Ломоносовымъ. Величіе Петра на ратномъ полѣ — впервые оцѣнено имъ...

Всѣ такія «открытія» свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ старался освободиться отъ гнета шаблона и традиціи...

Это сказывается также и въ исканіяхъ новой формы хвалебной оды...

И вотъ, вмѣсто прежней тяжеловѣсной оды, онъ создаетъ граціозное произведеніе, теплое по настроенію, искреннее по тону, свободное отъ «правилъ», — это одна изъ позднѣйшихъ одъ, въ честь любимой Монархини Елисаветы Петровны:

«Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
Скрываются поля, берега и понтъ...
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,
Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ...
Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ,—
Открывшись въ теплотѣ, сіяетъ каждый цвѣтъ,
Богатства красоты предъ онымъ отверзаетъ
И свой пріятный духъ, какъ жертву, изливаетъ...
Подобенъ солнцу твой, Монархиня, восходъ,
Который освѣтилъ во тьмѣ россійскій родъ!
Усердны предъ тобой сердца мы отверзаемъ
И жертвы вѣрности нелестной изливаемъ».

Въ этомъ задушевномъ стихотвореніи красота и искренность чувствъ воплощены въ картину, изумительную по своему изяществу.

Великій поэтъ не только нашелъ себя, но и своимъ ученикамъ указалъ путь, куда имъ идти, — къ искренности и простотѣ чувства, къ художественной правдѣ, — путь, который исторію нашей поэзіи приведетъ къ кристальному творчеству Пушкина!

Итакъ, «форма» Ломоносовскихъ одъ не осталась неподвижной: съ теченіемъ времени, она измѣнилась къ лучшему. Развивался и стихотворный языкъ Ломоносова; поэтъ работалъ надъ нимъ упорно — и, побѣдивъ всѣ трудности, достигъ совершенства: удивительной мягкости, прозрачности выраженій, граціозности словесныхъ украшеній... Онъ овладѣлъ великой тайной гармоніи формы и содержанія, нашелъ разнообразіе стихотворныхъ размѣровъ и свободу построенія...

Измѣнилось и содержаніе Ломоносовскихъ одъ. Прежде оно было трудно уловимо, — хитроумныя украшенія всегда туманили основную идею произведенія: теперь мысль поэта дѣлается яснѣе, рельефнѣе... Она властно приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя... Форма дѣлается все прозрачнѣе и отходитъ на второе мѣсто.

Уже въ одной изъ первыхъ Елисаветинскихъ одъ Ломоносова: «На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны» (1747) — проясняются эти новыя черты его творчества. Въ этомъ произведеніи свободно и безстрашно, во весь ростъ, встаетъ передъ нами Ломоносовъ, — созданіе Петра и провозвѣстникъ его державной воли:

Особенно интересна ода его: «На восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины».

Рѣзко осудивъ нерусскую политику Петра III, поэтъ, объятый возмущеніемъ, восклицаетъ:

«Слыхаль ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О, стыдъ! о, странный оборотъ!»

— и обращается къ тому же Петру III со словами:

«Теперь злоумышленье въ ямѣ
За гордость сверженно лежитъ!».

Далѣе слѣдуетъ знаменательное воззваніе поэта къ новой властительницѣ:

«Услышьте, судии земные,
И всѣ державныя главы!
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ!
.
Народну наблюдайте льготу!»

Затѣмъ поэтъ обращается къ иностранцамъ, которые, за время царствованія Петра III, опять сдѣлались опасны для русскаго націонализма:

«А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство, вольности златыя,

Какой въ другихъ державахъ нѣтъ!

.

На то ль склонились къ вамъ Монархи

И согласились Іерархи,

Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

.

И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами

Въ предѣлахъ должности своей

Считать насъ вашими рабами

Въ противность истины вещей?»

Это — «хвалебная ода»? Это — привѣтъ Монархинѣ-ино-
странкѣ, вступающей на російскій престолъ?.. Нѣтъ, это —
суровое и безстрашное обличеніе!..

Придворный поэтъ, сочинявшій заказныя хвалы,
превратился теперь въ разгнѣваннаго пророка, обличаю-
щаго, карающаго, грозящаго, глаголомъ жгущаго сердца
людей...

Въ этомъ произведеніи Ломоносовъ показалъ буду-
щимъ поэтамъ, что могутъ они сдѣлать съ одой, — какъ
холодный придворный панегирикъ можно превратить въ
смѣлое публицистическое произведеніе. И урокъ этотъ не
пропалъ даромъ...

Державинъ пошелъ по указанному пути; вслѣдъ за
нимъ Радищевъ, Капнистъ, Карамзинъ и многіе другіе
поэты въ хвалебныхъ одахъ выражали свои политическіе
взгляды...

Когда Ломоносовъ оцѣнилъ мечты и дѣла Екатерины, —
онъ проникся уваженіемъ къ ней.

Не жизнерадостной, свѣтозарной Діаной, — строгой

Минервой представилась поэту Императрица Екатерина... Она—не богиня, не «лучезарное солнце», какъ Елизавета, — она—мудрый человекъ, «мать отечества», которая—

...«о подданныхъ покоѣ

Печется, ночь вмѣняя въ день».

Въ одной изъ послѣднихъ своихъ одъ Ломоносовъ перечисляетъ заслуги Императрицы Екатерины передъ русскимъ обществомъ. И дважды слово «общество» повторяется въ одѣ, и оба раза это слово пишеть онъ съ заглавной буквы... Это характерно!..

Опредѣляя общественное значеніе дѣяній Императрицы, «пѣвецъ Титановъ и Гигантовъ», на склонѣ лѣтъ, обращается въ «пѣвца Общества»...

*

Въ одахъ выразилъ Ломоносовъ общественную цѣнность своей личности. Но среди его произведеній есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ выразились интимныя стороны его души. Еще за границей онъ увлекался творчествомъ эпикурейца—Гюнтера и, подражая ему, сочинилъ нѣсколько стихотвореній въ анакреонтическомъ духѣ.

И вотъ, за годъ до смерти, пишеть онъ стихотвореніе: «Разговоръ съ Анакреономъ». Въ этомъ произведеніи онъ повѣствуетъ, какъ убѣждалъ его греческій поэтъ предаться легкокрылой радости и воспѣвать любовь.

Рѣчи Анакреона были увлекательны, и Ломоносовъ почувствовалъ —

«...жаръ прежній

Въ согрѣвшейся крови».

— но воспѣвать утѣхи любви онъ уже не могъ.

Хоть въ любви нашъ поэтъ, по его словамъ, и «не былъ лишенъ» «нѣжности сердечной», но «восхищался онъ болѣе героевъ вѣчной славой», и «струны по неволѣ звучали ему только геройской шумъ».

Къ тому же всѣ колебанія его разрѣшаются, когда вспоминаетъ онъ суроваго Катона, — тогда онъ окончательно побѣждаетъ всѣ искушенія Анакреона...

Не трудно замѣтить, что въ этомъ произведеніи Ломоносовъ разсказалъ свою жизнь. Онъ могъ сдѣлаться по-этомъ-эпикурейцемъ, такъ какъ отъ природы не лишенъ былъ нѣжности сердечной, но онъ оставилъ Анакреона и пошелъ вслѣдъ за Катонемъ, который воодушевилъ его своей «упрямой славной» и указалъ ему на трудный путь служенія родинѣ...

Но и Катонъ не овладѣлъ Ломоносовымъ всецѣло, — широта и богатство души удержали его отъ всяческой односторонности и узости... Любовь къ радостямъ жизни онъ сочеталъ съ готовностью безбоязненно идти на встрѣчу тяжкимъ лишеніямъ, подвигамъ и борьбѣ...

Онъ — мудрецъ, который въ своемъ бодромъ и ясномъ міросозерцаніи, — помирилъ жизнерадостный эпикуреизмъ и строгій стоицизмъ, воплотилъ суровый и, вмѣстѣ, свѣтлый взглядъ на жизнь.

*

Таково отношеніе Ломоносова къ мудрости языческаго міра. Въ своихъ духовныхъ произведеніяхъ онъ выясняетъ религіозныя стороны своей личности.

Поэзіей Св. Писанія увлекался онъ еще въ юности... Въ зрѣломъ возрастѣ это увлеченіе сказалось въ его ори-

гинальномъ творествѣ (Утреннее и Вечернее размышленія о Божьемъ велиествѣ), а также въ стихотворныхъ переложеніяхъ псалмовъ и книги Іова.

Восторженное удивленіе предъ могуществомъ Творца,—вотъ мотивъ, который является основой почти всѣхъ его духовныхъ произведеній.

Это стремленіе создать апоэеозъ Творцу съ особенною ясностью сказалось въ переложеніи отрывка изъ книги Іова: изъ Библии Ломоносовъ взялъ только отвѣтныя слова Бога на дерзкій ропоть Іова: человекъ не можетъ быть мѣриломъ вещей, — міръ созданъ по замысламъ, которые превышаютъ силы человѣческаго разума.

Ломоносовъ не сталъ на сторону Іова—онъ всецѣло на сторонѣ Бога и сверху внизъ смотритъ на безсильную тоску человека, отравленнаго безпросвѣтнымъ пессимизмомъ. Произведеніе, безотрадное по духу, въ передѣлкѣ Ломоносова обратилось въ величавый гимнъ Творцу; ропоть человека разрѣшается у него въ убѣжденіе, что Богъ —

«все на пользу нашу строить».

А потому человекъ долженъ безропотно нести тяжелый яремъ жизни...

Но не во всѣхъ духовныхъ произведеніяхъ Ломоносова найдемъ мы такія примирительныя стремленія. Жизнь захватывала нашего поэта: часто она отрывала его вдохновенныя очи отъ Бога-Творца... Борьба, которую пришлось Ломоносову вести въ это время въ жизни, вносила тревогу и страсть въ его мятежную душу; эти земныя переживанія отразились на выборѣ тѣхъ псалмовъ, которые особенно сильно проникнуты чувствомъ горечи и гнѣва на

«враговъ Бога»... Для Ломоносова такими «врагами Бога», противниками божественной воли, были всѣ «недоброты» Россіи и русской науки. На себя поэтъ смотрѣлъ, какъ на слугу Бога, апостола Его мудрыхъ вельній... Оттого и въ гнѣвныхъ жалобахъ царя Давида онъ услышалъ родное и близкое своей мятежной душѣ...

*

Въ своихъ произведеніяхъ выразилъ Ломоносовъ не только интимныя стороны своей души — въ нихъ онъ опредѣлилъ и отношеніе свое къ высочайшимъ проявленіямъ человѣческой мудрости — къ наукѣ и религіи.

Ученикъ Лейбница и Вольфа, онъ безъ труда сумѣлъ установить мудрое равновѣсіе между наукой и религіей. Но этого личнаго сознанія ему было мало, — онъ хотѣлъ, чтобы весь русскій народъ призналъ ихъ равноправіе, равноцѣнность, даже тожество... *).

Предки наши сознательно боролись съ разумамъ. Подобно всѣмъ людямъ средневѣковья, они боялись мысли, проклинали науку, прославляли ту простоту, которая не

*) „Не здраво разсуждаетъ математикъ, говоритъ Ломоносовъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, ежели онъ думаетъ, что по псалтири научиться можно астрономіи или химіи. Толкователи и проповѣдники Священнаго Писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведникамъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ, кромѣ Божеской силы, великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣянїяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры... Правда (наука) и вѣра суть двѣ сестры родныя, дочери Всевышняго Родителя, никогда межъ собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто, изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія, на нихъ вражду всплететь“.

знаеть критики, — все принимаетъ, ничего не испытуетъ, предъ таинственнымъ смиряется и съ нимъ не борется, опасаясь гнѣва Божьяго...

Ломоносовъ первый изъ русскихъ писателей вознесъ у насъ мысль человѣческую на такую высоту, на какой въ Россіи до него она не подымалась никогда... *)

Но, возвеличивая разумъ, Ломоносовъ точно опредѣлилъ границы его державы, не вторгаясь въ предѣлы религіи...

Свой взглядъ на взаимоотношеніе религіи и науки полнѣе всего выразилъ онъ въ своемъ «Посланіи о пользѣ стекла». Въ этомъ произведеніи поэтъ выступаетъ въ качествѣ защитника и апостола «разума». Онъ утверждаетъ, что неправильное отношеніе къ работѣ человѣческой мысли принесло знанію много непоправимыхъ бѣдъ... Жертвами невѣжества пало много ученыхъ изслѣдователей и испытателей тайнъ міровой жизни... По его мнѣнію, первымъ изъ нихъ, былъ, — не болѣе, не менѣе, — какъ Прометей, который низвелъ огонь на землю при помощи «зажигательнаго стекла», за что прослылъ «чародѣемъ» и погибъ, побѣжденный мрачными силами невѣжества. Уже впоследствии эту трагедію ученаго облекли «знатными вымыслами», придали всему «неправый толкъ» — такъ сложился мифъ о похищеніи Прометеемъ огня съ неба и о божьей карѣ, которая за это постигла его.

«Коль много таковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
Что зависть, скрывъ себя подъ святости покровъ,

*) „Науку“ онъ считалъ „панацеею“: „зналъ, говорилъ онъ, Петръ Великій, что ни законовъ, ни судовъ привести, ни честности нравовъ безъ ученія философіи, и краснорѣчія не ввести“.

И груба ревность съ ней на правду строя ковъ,
Отъ самой древности воюють многократно,
Чѣмъ много знанія погнѣбло невозвратно!»

— горестно восклицаетъ поэтъ.

Устройство громоотвода и во времена Ломоносова многимъ представлялось «предерзостнымъ сопротивленіемъ гнѣву Божію» — возстаніемъ челоуѣка противъ Бога...

Такая точка зрѣнія для раціоналиста-Ломоносова была смѣшна: повторяя Лейбница и Вольфа, онъ утверждалъ, что Богъ далъ міровой жизни законы, а людямъ предоставилъ полную свободу искать эти законы и пользоваться покоренными силами природы.

Вотъ почему такъ рѣшительно нападалъ онъ на «слабый умъ» челоуѣка, который, прикрываясь покровомъ святости, считаетъ грѣхомъ всякую попытку проникнуть въ тайны міровой жизни и отказывается изучать силы этой жизни въ явленіяхъ природы. Съ точки зрѣнія Ломоносова, такое изученіе вело къ познанію Бога и укрѣпляло челоуѣческую вѣру въ мудрость и могущество Творца...

«Природа, говоритъ онъ въ одномъ своемъ сочиненіи, есть Евангеліе, благоуѣствующее творческую силу, премудрость и величество Творца! Не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію!»... Въ твореніяхъ Іоанна Златоуста, Василія Великаго встрѣтилъ онъ такое же возвышенное пониманіе Бога и міровой жизни, — пониманіе широкое, которое свободно раскрывало врата наукъ въ таинственный міръ божественныхъ откровеній...*)).

*) Онъ высоко цѣнилъ сочувствіе св. Отцовъ къ природѣ и желаніе ихъ помирить изученіе ея съ религіей. „О, если бы въ ихъ время“, сказалъ

Разумъ, ограниченный религіей, и религія, просвѣтлен-
ная разумомъ, — вотъ основы той Ломоносовской мудрости,
въ которой нѣтъ внутренней дисгармоніи, которая сильна
и свята своею близостью къ Богу.

*

Совсѣмъ иное отношеніе къ наукѣ и разуму видѣлъ
Ломоносовъ у современныхъ ему церковниковъ. Его «Гимнъ
бородѣ» — это сатира, направленная не только противъ
раскольниковъ, но и противъ всѣхъ, кто, прикрываясь зна-
менемъ церкви, «покровомъ святости», на самомъ дѣлѣ
былъ врагомъ знанія и прогресса.

Горячо вѣрующій, возвышенно религіозно-мыслящій,
Ломоносовъ больно чувствовалъ, какъ великъ былъ раз-
ладъ между его міросозерцаніемъ и русской дѣйствитель-
ностью. Въ своемъ «Гимнѣ» онъ и выразилъ всю ту горечь,
что накопила въ его душѣ...

Сатира эта обратила на себя вниманіе, и Св. Синодъ
судилъ его за дерзость и свободомысліе... Въмѣсто оправ-
даній, Ломоносовъ сталъ обличать своихъ судей, и вина
его возросла въ ихъ глазахъ: онъ оказался «продерзате-
лемъ къ безстрашному кощунству». Его сатирическое про-
изведеніе постановлено было «чрезъ палача подъ висѣ-
лицею жечь», а самому автору, академику Ломоносову,
было указано, какія «жестокія кары грозятъ хулителямъ
закона и вѣры».

Такая угроза была высказана ему, — великому Ломоно-

онъ однажды, „извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія
орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ! Съ какимъ бы восторгомъ про-
повѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудро-
сти и могущества Творца!“.

сову, который своими орлиными очами узрѣлъ Бога въ Его твореніи!..

Ломоносовская сатира и споръ его съ св. Синодомъ—это эпизодъ, характерный не только для русской исторіи, но и для всемірной исторіи новаго времени. На переломѣ къ новой жизни свободная мысль во всей Европѣ пошла въ разрѣзъ съ устарѣвшими традиціями... И нашъ русскій провозвѣстникъ державныхъ правъ разума вполнѣ послѣдовательно шелъ по стопамъ своихъ великихъ учителей Запада!

*

Разносторонне выразилъ себя Ломоносовъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Онъ выяснилъ себя, какъ художника, какъ общественнаго дѣятеля, какъ философа и религіознаго человѣка...

Остается, въ заключеніе, соединить всѣ эти многообразныя черты въ одинъ человѣческій ликъ,—остается найти тотъ синтезъ, который опредѣлитъ всего Ломоносова, какъ своеобразную и оригинальную личность Петровской Руси... Русская исторія поможетъ намъ,—она напомнитъ, что проблески новой жизни замѣтны сдѣлались у насъ въ Россіи съ конца XVI вѣка,—что въ XVII столѣтіи эта новая жизнь вступаетъ въ свои права и выдвигаетъ великаго Петра...

При немъ новая жизнь торжествуетъ надъ старой и создаетъ немало любопытныхъ дѣятелей... Свободомыслящій архіепископъ Теофанъ, поклонникъ Вольфа, Галилея, врагъ папы, высмѣиваетъ недостатки русскаго духовенства въ тонѣ Ломоносовской сатиры.. Татищевъ старается разрушить средневѣковое аскетическое міросозерцаніе, доказы-

вая, что человекъ имѣеть право радоваться и наслаждаться жизнью. Эти мерцающіе проблески новой мудрости впервые у Ломоносова проявляются свободно и открыто... Что раньше поблескивало во тьмѣ, въ видѣ отдѣльныхъ, разрозненныхъ искръ, то теперь, благодаря Ломоносову, загорается яркимъ свѣтомъ, озаряющимъ всю русскую жизнь...

Интересы земли, земное счастье, свободный разумъ, естественное право, естественная мораль, — вотъ новыя понятія, которыя овладѣваютъ теперь сознаниемъ русскаго человека Ломоносовскаго склада... Эти понятія принесены были къ намъ извнѣ: они — созданіе Возрожденія и Реформаціи.

На Западѣ эти понятія взяты были съ бою, въ трудной и долгой борьбѣ. Они сложились и опредѣлились въ то время, когда аскетизмъ и мистицизмъ средневѣковья смѣнился свободнымъ и радостнымъ гимномъ въ честь земной жизни, — когда схоластика уступила свое мѣсто свободной наукѣ, католицизмъ посторонился предъ реформаціей, — и, свободный отъ узъ, всталъ свободный человекъ новаго времени, прекрасный и радостный...

Человекъ въ полномъ значеніи этого слова, понимающій жизнь широко и свободно...

Таковъ у насъ былъ Ломоносовъ. Онъ сродни по духу тѣмъ дѣятелямъ европейскаго Возрожденія, которые брали жизнь всю безъ ограниченія. Радостно трудились они и бодро выносили борьбу... Могучими титанами изъ тьмы вѣковъ встаютъ передъ нами эти носители свѣта, враги тьмы, апостолы прогресса...

Они — учителя Ломоносова. Свое поэтическое вдохно-

веніе питаль онъ поэзіей классицизма; критическое отноше-
ніе къ родной старинѣ было подсказано ему этими вра-
гами обскурантизма; свое преклоненіе передъ свободнымъ
разумомъ *) онъ воспиталь на философіи Лейбница, про-
возвѣстника новой жизни въ той Германіи, мудрость ко-
торой сложилась подъ вліяніемъ Возрожденія и Рефор-
мации. Онъ сумѣлъ всѣ свои душевныя способности раз-
вить широко и свободно, и первый изъ русскихъ поэтовъ
въ апоѳеозѣ представилъ человѣка **).

Его борьба съ тьмой невѣжества, его вѣра въ мощь
разума, его преклоненіе передъ мудростью земли, его
стремленіе къ свѣту, къ свободѣ жизни и творчества, —
все это черты, позволяющія историку сказать, что Ломоно-
совъ — первый нашъ гуманистъ, идеологъ и апостоль
новой жизни.

И понятнымъ сдѣлается намъ теперь, почему съ дѣт-
ства такъ неудержимо тянуло его къ свѣту, къ звѣз-
дамъ, къ восходящему солнцу...

Ему, этому солнцу, прогоняющему тьму, воспѣлъ онъ

*) По его словамъ, „въ Кіевѣ противъ чаянія своего, нашель пустыя
только словопренія Аристотелевой философіи“. Въ этомъ отрицательномъ
отношеніи юноши-Ломоносова къ средневѣковой схоластикѣ характерно
умѣніе критически къ ней относиться,—стать по отношенію къ ней на
точку зрѣнія гуманистовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ не сошелъ никогда.
Позднѣе говоритъ онъ слѣдующее: „Декарту мы особливо за то благо-
дарны, что онъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ
самого себя и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить и тѣмъ
самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію“.

**) У Ломоносова встрѣчаемъ мы такой гимнъ человѣку: „образован-
ность“ и „свободный опытъ“, говоритъ онъ, гонять

„... глубокую невѣдѣнія тьму

Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ,

Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ!“.

торжественный гимнъ въ своемъ «Утреннемъ размышленіи»... И гимнъ этотъ удивительно напоминаетъ тотъ вдохновенный привѣтъ, которымъ Пушкинъ, много лѣтъ спустя, привѣтствовалъ все то же царственное солнце:

«Да здравствуетъ солнце,
Да скроется тьма!».

Знаменательна эта близость Ломоносова къ великому русскому гуманисту XIX столѣтія,—«пѣвцу земли и чело-вѣка»... Она свидѣтельствуешь, что Ломоносовъ, органически связанный съ прошлымъ своей родины, въ такой же мѣрѣ принадлежитъ ей будущему... Онъ—основное звено, въ той великой цѣпи, что соединяетъ XVII вѣкъ съ XIX-мъ. Онъ стоитъ на прямомъ пути отъ Петра къ Пушкину... Оттого слава его незыблема. Оттого сегодня, на этомъ всенародномъ праздникѣ, историкъ съ глубокимъ благоговѣніемъ вспоминаетъ его великое, свѣтлое имя!...